

ФИЛОСОФ НА ВОЙНЕ

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ: «Я – ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНТИСТАЛИНИСТ...»

Интервью с философом Григорием Соломоновичем Померанцем подготовили и провели Павел Хицкий и Дарья Лунгина

О Великой Отечественной войне размышляет философ, писатель, диссидент Григорий Померанц. В 1941 году Померанц ушел на фронт добровольцем. После тяжелого ранения был прикомандирован к дивизионной газете, затем ушел в стрелковый батальон комсогом. После второго ранения направлен политотделом в другую дивизионную газету. Участвовал во взятии Берлина и закончил войну в Праге.

Обстрелянный солдат

Павел Хицкий: Григорий Соломонович, вам трудно приходилось на фронте?

Григорий Померанц: У меня есть несколько тяжелых воспоминаний. Например, бой после взятия деревни Павловка, утром 23 февраля 1942 года. Наша дивизия была сплошь добровольческая, возникшая из ополчения, набранного в Москве в октябре 1941 года. У нас не было ничего, кроме канадских винтовок с 20 патронами, которые через три дня заменили французскими — в них было целых 120 патронов.

Ночью самолеты не летали, и мы легко взяли деревню. Это было похоже на фейерверк, сверкали трассирующие пули, но наш взвод потерял всего двух человек. Зато утром, когда ждали контратаки, бестолковые командиры выложили весь полк на поле перед деревней. Как будто немецкая пехота могла быстро передвигаться по пояс в снегу.

Нас начала обрабатывать авиация. Беглым огнем стреляли минометы, а когда они перегревались, с ближнего аэродрома подлетали 16 юнкерсов и кружились над нами, как кордебалет. Потом очередной самолет совершал индивидуальный танец: бросал бомбы, стрелял из пулеметов, а когда расстреливал весь боезапас, подлетали другие.

Получив ранение, я встал и пошел на перевязку и увидел, что все вокруг в больших розовых пятнах: кровь уже впиталась в снег. В этом бою я был дважды ранен, сначала легко, а потом серьезно.

Я могу рассказать много таких случаев. Скажем, впечатление от боевой обстановки к северо-западу от Сталинграда в августе — сентябре 1942 года, куда я попал после ранения. Это был кошмар. Мы пили воду из лужи,

в которой лежала дохлая лошадь, и не обращали на это внимания, потому что не думали, что доживем до завтра.

П.Х.: Как вы преодолевали страх?

Г.П.: Если хотите, на философском уровне. За четыре года до этих событий меня растревожили Достоевский, Тютчев: чувством бездны, в которой тонет всякое человеческое действие. Я тоже боялся этого чувства. Три месяца непрерывно, не обращая внимания на то, что тогда происходило — а это был пик большого террора — я сосредотачивался на чувстве бездны. В конце концов, у меня появилось некое озарение, что есть какой-то внутренний свет, который избавляет от страха.

П.Х.: Это помогло на войне?

Г.П.: К северо-западу от Сталинграда я впервые столкнулся с тем, что можно назвать психической травмой ранения. Я лежал в абсолютной безопасности, за 2–3 километра до места бомбежки, но меня до оцепенения пугало зрелище того, что там происходило.

В течение получаса я не мог справиться с чувством страха, липким, гадким. Вдруг я подумал: если я не испугался бездны пространства и времени, стоит ли мне бояться нескольких самолетов. И, знаете, это вывело меня из оцепенения, у меня моментально начал таять страх. Было такое чувство, будто в стакан горячего чая бросили кусок рафинада: в течение 2–3 минут он исчезает. Я почувствовал, как страх растворяется во мне, и через три минуты был от него совершенно свободен.

Каждый раз, когда потом я сталкивался с опасной обстановкой, я вспоминал этот растворяющийся кусок рафинада, и относительно легко прошел все дальнейшее — войну, лагерь. Обычно это называют «обстрелянный солдат». Человек испытывает страх, но вдруг в какой-то момент побеждает его. Это получается достаточно часто, но не у каждого, конечно.

Право победителей

П.Х.: Обычно, когда уходит страх, наступает эйфория...

Г.П.: Да, это негативная сторона победы. После того как человек преодолел страх, у него возникает чувство, что он вознесся над всеми законами, над всеми моральными нормами. Он может делать, что хочет. Это состояние можно назвать «хмель победы». Был случай, когда в таком состоянии я втянул людей в совершенно отчаянную авантюру.

В большом масштабе этот хмель принес нам много несчастий. Не только потерь, но и нравственных потерь. Когда мы вошли в Германию, в советских солдатах проснулось традиционное, древнее настроение победителей. У меня, как и у всех, появилось ощущение, что я могу делать что хочу — а потом я увидел на помойке обнаженный труп 15–16-летней девочки, вероятно, санитарки немецкого ополчения. Хмель сошел мгновенно.

Советский солдат перед указателями в Берлине. 1945 г.

Григорий Померанц. 1946 г.

В армию попадали разные элементы, в том числе сложившиеся уголовники. Но в упоении победой безобразия творили и добродушные люди. В Германии подсчитали, сколько немцев изнасиловали советские войска: сотни тысяч. В Венгрии изданы воспоминания венгерки, которую насиловали 65 раз.

В 1992 году я ездил в Германию с писателем Анатолием Злобиным, он во время войны был артиллерийским лейтенантом. Он рассказывал мне, как встречал товарища и спрашивал: «Сколько раз ты сегодня отомстил?» — «Два раза». — «А я три раза». Отомстил — значит, переспал с немкой. Потом Злобин страшно стыдился, специально приезжал в Германию, в те места.

П.Х.: Долго ли продолжались безобразия?

Г.П.: Примерно через 15 дней массовое насилие прекратилось. Мы опять стали нормальными людьми. К этому времени я попал в Судеты, население там было немецкое, а юридически — Чехословакия. Там солдаты уже вели себя спокойно, моментально прижились у хозяек. Когда немцев стали выселять, пытались защитить их. Тех, кто продолжал творить безобразие, задерживали. За чешку давали 10 лет лагерей, за немку — 5 лет.

П.Х.: Немецкие зверства на советской территории — тоже хмель победы?

Г.П.: Думаю, да. Сказать, что были поголовные зверства, нельзя. Их сильно преувеличила наша пропаганда, нарисовавшая совершенно карикатурный образ немца. Не надо смешивать всех немцев с эсэсовцами.

В 1942 году филологу Елеазару Мелетинскому пришлось выходить из окружения. У него был восточный

тип лица, поэтому он выдавал себя за выходца с Кавказа. Иногда Мелетинский кормился в немецких походных кухнях. По-немецки он понимал и слышал, как о нем говорили: «Может, он еврей?» — «А, пусть идет к своей матке». Это были обычные немцы, не СС.

Героические преступления

П.Х.: Можно ли обвинить советское руководство в военных преступлениях?

Г.П.: Если говорить о сталинских преступлениях вообще, самым страшным из них была коллективизация. Не только на Украине, где ее использовали как политическую карту. На Кубани, в Казахстане тоже была массовая голодная смерть. А военным преступлением можно назвать поголовные ссылки целых народов, например кавказских.

П.Х.: А блокада Ленинграда?

Г.П.: Не знаю, военное это преступление или просто преступление. Огромное количество мирного населения сходилось со всех сторон к городу, когда его окружали, а потом умирало в нем с голоду. В это время Андрею Жданову, который там сидел, возили еду на специальном самолете.

Сохранилось письмо, полученное Борисом Пастернаком от его двоюродной сестры, Ольги Фрейденберг. Пастернак попросил ее рассказать, что происходит в Ленинграде. Фрейденберг ответила короткой открыткой: «Мне трудно тебе писать. Можешь себе представить, чтобы Данте (пока Вергилий завтракает) присел черкнуть письмецо?» Цензоры не поняли, пропустили.

П.Х.: Потом ленинградцев объявили героями...

Г.П.: Блокада — это не героистично, это кошмар. А вообще, города-герои нужно рассматривать индивидуально. К примеру, жителей Сталинграда специально сделали героями. Когда немцы подходили к городу, Сталин запретил эвакуировать гражданское население. «Армия не защищает пустых городов», — сказал он. Партийные кадры вывезли из города, а население осталось.

Можно назвать городом-героем Одессу. И конечно, Севастополь. Там гражданского населения почти не было, оставалась в основном военная группировка, которая дралась до последнего. В 1943 году я встретил сравнительно молодого человека, седого как лунь. Оказалось, он был под Севастополем.

Линии окопов под городом отстояли друг от друга на 100 метров. Так что, когда немцы поднимались в атаку, не имело смысла стрелять. Наши тоже вставали, и начинался штыковой бой. Это очень редкая вещь, за всю войну я ни разу не видел штыковой атаки.

Обычно рукопашным боем называлось совсем другое — убийство тех, кто сдается в плен. Как правило, немцы стреляли, пока советская атакующая цепь не подходила к их окопам метров на 50. Потом сдавались, а наши, подходя, убивали их. Штыков не было, так что убивали прикладом по голове. Некоторые немцы притворялись мертвыми, пока у наших солдат не кончалось опьянение победой. Если через полчаса немец поднимал голову, его уже угощали папиросой, вели в штаб.

Вообще, немцы очень дисциплинированные. Часто они шли вперед и кричали: «Рус, сдавайся». А у нас брать в плен было как-то не принято.

Капитуляция. Пётр Кривоногов, 1946 г.

П.Х.: Был ли Сталин популярен во время войны?

Г.П.: Чтобы поднять солдат в атаку, я говорил: «Вперед, вашу мать, за родину, вашу мать, за Сталина, вашу мать». И это действовало, потому что именно такие слова крутились в пропагандистском барабане. Я пробовал менять «Сталин» на «Ленин» и чувствовал — не доходит.

Хотя я лично был антисталинистом еще до войны. И считаю, что Сталин страшно напортил нам в военном смысле. Он не послушался Троцкого, который в начале 1930-х годов призывал перейти к единому антифашистскому фронту и не допустить Гитлера к власти. Он не принимал совершенно достоверные сигналы о том, что немецкие войска стоят на наших границах в наступательных боевых порядках.

Сталин перебил 80% высшего командного состава накануне войны. Когда зима помогла нам перейти в контрнаступление, он не согласился с Генштабом, предлагавшим с весны перейти к стратегической обороне.

Так что к попыткам реабилитировать Сталина я отношусь с отвращением. Я был активным противником первой кампании по реабилитации Сталина, которая началась в 1965 году. И потом много раз выступал против этого. Я, можно сказать, профессиональный антисталинист. Хотя мне и в голову не приходило, что после того как советский строй рухнет, мои усилия могут понадобиться снова.

á